

СВЯТОЙ АЛЕКСИЙ ЧЕЛОВЕК БОЖИЙ

САТЕНС

М. И. Хитров

Святой Алексей, человек Божий

Православное издательство "Сатись"

1893

Хитров М. И.

Святой Алексей, человек Божий / М. И. Хитров — Православное издательство "Сатись", 1893

ISBN 5-7868-0067-2

«Единственный из всех святых Церкви Алексей получил великое название человека Божия. Его безграничное самоотречение, его жестокость к себе произвели глубочайшее впечатление на верующий русский народ», – писал русский духовный писатель Е. Поселянин. Жития святых были любимым духовным чтением русских людей. Дети и взрослые не только находили в житиях пример благочестивой жизни, но и приобретали опыт духовного возрастания, опыт любви, терпения, самопожертвования. Житие святого Алексея, человека Божия, было особенно любимо – святому молились об избавлении от привязанности к благам мира, от сребролюбия, а также молились о родителях, чрезмерно скорбящих об избрании чадом иноческого пути. Память святого празднуется 17/30 марта. Настоящее издание подготовлено на основе сочинения М. Хитрова (М., 1893).

ISBN 5-7868-0067-2

© Хитров М. И., 1893
© Православное издательство
"Сатись", 1893

Содержание

Часть первая	6
Глава 1	6
Глава 2	9
Глава 3	12
Конец ознакомительного фрагмента.	14

Протоиерей Михаил Хитров Святой Алексей, человек Божий

*По благословению
Архиепископа Брюссельского и Бельгийского СИМОНА*

Часть первая

Глава 1

Если бы путешественник по Италии в конце IV века вздумал обозреть виллы наиболее знаменитых обитателей вечного города, он, наверное, разыскал бы в средней Италии на покатосях Аппенин виллу Евфимиана, славившуюся красотой местоположения и образцовым устройством. Первое, что бросалось в глаза при спуске с возвышенностей, это – величественное озеро, с левой стороны которого темнела роща, манившая в знойный день своей прохладой усталого путника. Лес подступал прямо к озеру, и склонившиеся ветви деревьев купались в его волнах, окрашивая воду в зеленый цвет. По другую сторону озера на далекое расстояние расстилались зеленеющие луга, испещренные цветами, пастбища с многочисленными стадами, и кое-где виднелись отдельные хутора, жилища пастухов. Берег оброс кустарником, ветви которого сгибались под проходящей лодкой. При дуновении ветра слегка наклонялся прибрежный тростник, а на волнах озера качались толстые листья болотных растений. За одной излучиной покрытого парком берега открывалась роскошная вилла, окруженная множеством красиво расположенных построек, утопавших в зелени садов, занимавших очень большое пространство. Между постройками крайнее место занимал домик вилликуса (управляющего виллой), снаружи имевший довольно скромный и уютный вид. Далее виднелись уже великолепные водометы, разбрасывавшие искрившуюся на солнце влагу. Здесь можно было увидеть целые стада гогочущих гусей и весело плескавшихся уток. Нумидийские и родосские куры, фламинго с густыми перьями, павлин, тучи голубей – все это птичье царство толпилось возле того места, где обыкновенно расставлялся корм. Парк и сады непосредственно примыкали к вилле и окружали ее со всех сторон. Станный вид имели некоторые деревья! Вместо привольно разросшихся ветвей вы увидели бы перед собой вычурные абрисы изображений различных геометрических фигур, животных. Кис и кипарис изрезаны будто змеи, извивающиеся по высокому стволу дерева. Среди деревьев там и сям попадались фонтаны, окруженные высокими апельсиновыми деревьями, среди зелени которых ярко выступали золотистые плоды. Цветники пестрели на небольших лужайках между деревьями. Розы, фиалки, нарциссы, касатики, разноцветные маки – все это ярко пестрело на солнце и ласкало зрение. По всем направлениям разбегались дорожки, окаймленные чащами кипариса, самшита и розмарина. В стороне от дорожек длинные гряды со спаржею, красные стебли которой только что пробивались из земли среди густой зелени латука, за ними – гряды куманской капусты, порея и лука, душистой мяты, темно-зеленой руты, разных пряных растений, мальвы, эндивия, бобов – всего не перечтешь! Гряды с овощами и цветники сменялись фруктовыми садами. Яблони, груши, фиги, черешня, персик, абрикос, гранаты, сливы, каштан, миндаль, орех, душистая айва то и дело встречались целыми группами и в одиночку, в самой разнообразной красивой рассадке. По перегородкам вился виноград, сочные гроздья которого уже созревали. Ближе к вилле находились оранжереи, из которых круглый год доставлялись в город в изобилии розы и левкой, виноград и арбузы. Как красиво выглядели среди зелени беломраморные статуи, металлические фигуры зверей и маленькие беседки!

Пройдя широкую аллею платанов и оставив в стороне великолепные бани и купальни, видишь фасад здания – обширную галерею из коринфских колонн с прилегавшей к ней тер-

расой, убранный цветами и зеленью. Из портика фасада вступаем в атриум, где пол украшен разноцветной мозаикой, а стены выложены мрамором. Пройдя перистиль, вступаем во двор, среди которого изящный мраморный водоем орошает кустарники, цветы и невысокие деревья. На этот раз мы застаем во внутреннем дворе управляющего в сопровождении небольшой группы его помощников по разным отраслям управления обширным имением.

– В столовой может разместиться и очень удобно достаточное число народа. Остальные могут расположиться на ипподроме, который можно приспособить для этой цели. Как вы думаете?

– Посмотрим, насколько это будет удобно, – заметил кто-то из толпы, окружавшей управляющего.

– Да ведь прежде необходимо было бы сообразить хотя бы приблизительно число гостей.

– Ну, это довольно трудно. Нужно рассчитывать на тысячи. Ты знаешь, как любят хозяина во всей здешней окрестности, особенно в среде бедного люда.

– Что правда, то правда!

Все общество направилось на ипподром. По другую сторону виллы среди группы платановых деревьев и зеленых лужаек, обсаженных миртовым и лавровым кустарником, протекал извилистый искусственный ручей, образуя там и сям по небольшим уступам пенистые каскады, и разливался потом в довольно широкий пруд.

– Рыбы будет довольно, – заметил управляющий, указывая на пруд.

Он остановился возле пруда и стал бросать в воду небольшие кусочки. Множество рыбы разных пород показалось на поверхности пруда, целые стаи кружились и ловили бросаемый корм.

От пруда начиналась аллея платанов, перевитых плющем до самой вершины. Аллея огибала площадь овальной формы, плотно утопанную и посыпанную песком.

– Здесь мы расставим столы и сиденья, – сказал управляющий и опустил, видимо усталый, на скамью.

Ему хотелось побеседовать с своими помощниками.

– Да, братцы, редко я с таким удовольствием занимаюсь своим делом и захожу во все эти подробности, как в настоящее время. Не думал дожить до такой радости.

– Да кто же не радуется, спросил бы ты. Вся окрестность ликует. Не только наши, но и чужие приходят и спрашивают.

– И вполне понятно. Еще бы не радоваться! Скажите, кто отличается такою добротой, как Евфимиан? Кто собирает точно в одну семью вокруг себя своих слуг? Кто так, как он, заботится о своих бедных соседях, о вдовах и сиротах? Кто так гостеприимно принимает странников? Да сердце-то его было печально; его жизнь была лишена лучшего из даров Божиих: у него не было детей... И вот на старости лет, когда уже и надежды оставалось мало, Господь посылает ему сына и наследника...

– Помню я, – вмешался один из группы стоявших, – в последний приезд господина я убирался вот здесь, у самого этого дерева, со своими инструментами... Оборачиваюсь: господин стоит, прислонившись к колонне, и глубоко-глубоко о чем-то размышляет. Иду тихо мимо него, а он подзывает меня к себе. Стая голубей тут кружилась... Указывает на нее и так грустно говорит мне: «Знаешь, о чем я думал? Посмотри: вон птицы имеют свои радости, выводят птенцов, а меня не благословил Господь»... И слеза тихо скатилась у него из глаз.

– Потому-то все так близко и принимают к сердцу радость господина, – хорошо знают, как он кручинился и скучал, не имея детей. Разве сердце бедняка не отзывчиво? Я уверен, весть о том, что Евфимиан приглашает всех не только своих, но и чужих, богатых и бедных обитателей здешней округи, разделить с ним его радость, принята будет всеми с живейшим восторгом, и нам пир удастся на славу...

– Да, – прибавил управляющий, подумав немного, – хорошо, если бы все так же поступали, как Евфимиан... Подолгу жывал я в разных местах, бывал в Риме, ко многому присмотрелся. Одно могу сказать: нет человека, который делал бы добро; нет или всего только один. (Пс. 13).

– Да, в наше время трудно жить бедному человеку.

– То – то и беда, все говорят: у варваров лучше; многие желают и ждут прихода врагов отечества... Однако, прощайте. Надеюсь, вы поможете мне надлежащим образом исполнить волю господина.

– Будь спокоен, – ответило сразу несколько голосов.

Глава 2

Обязанности, возлагаемые светской жизнью в древнем Риме, были очень разнообразны. Никто не мог безнаказанно пренебрегать ими, если жил в обществе. Особенно точно наблюдали правила светского общежития высокопоставленные люди.

Близ богатого дома Евфимиана, на одной из лучших улиц Рима, мы застаем необычайное движение. Множество посетителей различного звания и положения в обществе спешат принести поздравления великодушному хозяину по случаю радостного события в его семье. Домашние, клиенты и слуги не в грязных тогах и заплатанных башмаках, но в приличных и даже роскошных одеждах теснятся перед дверьми в таком множестве, что загораживают улицу, не давая проходу мимоходящим. Вот носильщики в красных плащах, одетые наподобие солдат, принесли богатого человека, сопровождаемого своими клиентами. Его длинные шелковые и пурпурные одежды развевались от ветра и, распахиваясь, открывали взорам толпы часть богатых туник с вышитыми на них изображениями святых. Не успел войти новоприбывший богач, как послышался обычный крик ликторов, возвестивший о прибытии консула. Толпа расступилась перед служителями, вооруженными связками розог, и почтительно дала место высокому сановнику, облеченному в тогу с пурпурною оторочкою.

Привратник, вооруженный тростью, почтительно пропускал высоких посетителей. С другими он не очень церемонился, а мелких людей прямо прогонял прочь и запирал двери пред самым носом. Порой он вступал в разговоры, более или менее шутивого свойства, с толпой посетителей. Вслед за важным сановником хотел было пройти и наш знакомый, управляющий виллой.

– Ты куда лезешь? – крикнул привратник. – Вот явился вовремя.

– Мне бы хотелось лично передать господину о той радости, которую все, знающие его в наших окрестностях, выразили по случаю счастливого события.

– Вот чего захотел – лично... Теперь не проберешься. Приходи в другое время... Нашел сдуру чему радоваться, – проворчал уже про себя привратник. – Деревенщина, прямо деревенщина... До сих пор не жите было, а праздник: чего только ни захочешь, то и проси... А тут наследник...

Эта мысль, видимо, омрачила веселое настроение привратника, и, окинув толпу сердитым взглядом, он объявил, что прием на нынешний день должен быть прекращен.

В атриуме, среди обширного помещения, окруженного колоннадой, набралось уже множество посетителей в ожидании выхода Евфимиана. Великолепие и пышность этой части дома, блеск мрамора, обилие нарядной прислуги в шелковых одеждах с золотыми поясами внушали непривычному посетителю невольную робость. Люди близкие и высокопоставленные прямо допускались во внутренние покои.

Среди многообразной толпы, собравшейся в атриуме, шли оживленные разговоры. Большею частью передавались городские сплетни и новости. Но в одном углу происходил оживленный разговор между двумя лицами, очевидно интересовавший обоих.

– Да, твоя правда. Этот дом приходится вычеркнуть из списка... Надежды на получение наследства больше нет!

– Хорошо тебе, – возразил другой. – У тебя есть еще в запасе довольно-таки старцев, на которых ты можешь рассчитывать. А у меня только и был этот дом. Сколько трудов, искательств, прислуживаний пропало даром...

– Признаюсь, я всегда смотрел на тебя с сожалением, видя, как ты выбивался из сил, угождая Евфимиану. Но ужели ты в самом деле мог рассчитывать, что тебе достанется хоть что-нибудь? Разве ты не видел, как почтенные духовные отцы наши добивались того же? Ужели ты

мог сомневаться еще в том, что, воспользовавшись благочестием Евфимиана, они во всяком случае направили бы его волю по своему благоусмотрению¹?

– Правда. Но скоро, я полагаю, настанет конец их высокомерию и алчности. Ты знаешь, конечно, что

Юлиан уже объявлен цезарем, а он, говорят, до крайности возмущен поведением духовенства.

– Ну, с такими мыслями и надеждами ты не заслужишь спасения.

– Что же делать? Двум господам нельзя служить, и ты сам на себе можешь испытать это... Собеседник с неудовольствием отвернулся.

Во внутренних покоях между высокими посетителями Евфимиана происходили также оживленные разговоры по случаю объявления Юлиана цезарем и вероятного в недалеком будущем вступления его на престол.

– Церковь Божия переживает истиннотревожные дни, – говорил один из почтенных гостей Евфимиана. – Точно с великим Константином священной памяти закатилось солнце наше и настала бурная ночь, под покровом которой творятся беззакония. Ариева ересь, точно раненое, но не пораженное насмерть, чудовище, снова поднимает к ужасу всех истинно верующих свою голову. Защитники истинной веры изгоняются, великий Афанасий должен укрываться в пустынях египетских, а на его место в великой Александрии, оружием возводится на престол апостольский почти полуязычник. Кровь льется рекою...

– А у нас, в Риме, разве лучше идут дела? – возразил другой. – Не возмутительно ли, что презренные евнухи, как заговорщики, решают низложить и, точно воры, ночью похищают у паствы любимого пастыря? Блаженный, горячо всеми любимый Аиберий в ссылке, а на его месте – Феликс, незаконно избранный и посвященный.

– Наперекор императору, мы останемся верны своему пастырю и никогда не признаем узурпатора. Решено уже всеми неотступно просить императора о возвращении Либерия.

– Но кто скажет, какой успех будет иметь это ходатайство?

– Не в этом, мне кажется, заключается главная опасность нашего времени. Меня приводит в ужас одна мысль о назначении цезарем Юлиана. Я хорошо его знаю. Церковь в своих недрах воспитала такого заклятого врага имени Христова, который принесет вреда едва ли не больше, чем самые яростные гонители прежних времен.

– Не ужасайтесь этого, – сказал строгий инок, недавно прибывший с Востока. – Юлиан будет императором и постарается принести, насколько ему будет дано, вред Церкви. Но я полагаю, это будет легкое облачко, которое скоро исчезнет. Опасность нашего времени кроется гораздо глубже. Чем объяснить самое отступничество Юлиана, которое с каждым шагом его становится очевиднее? Зачем Великий Вождь Церкви попустил совершиться такому соблазну? Не лежит ли часть вины и на нас всех? Сраженное язычество собралось отомстить нам и подкралось, чтобы ослабить нас с такой стороны, которая менее всего должна бы быть для него доступна. Оно заразило многих из наших братьев своим тлетворным дыханием: с ужасом на чадах Церкви мы замечаем язвы, которые мы привыкли видеть в одряхлевшей языческой среде. Язычество возрождается в самых недрах Церкви. Чем мы, христиане, низложили язычество? В чем заключалась наша сила и крепость? Кроме помощи

Божией, мы сильны были истиннохристианскими нравами, христианин отличался от язычника всем своим поведением, всем образом жизни. А теперь!? Не приходится ли бежать в пустыню всем, ищущим спасения, чтобы избежать общей заразы?

И инок печально опустил свою голову. Глубокое молчание было ему ответом.

¹ Римское духовенство, как известно, уже в IV столетии отличалось сильным пристрастием к богатству, роскоши и наружному блеску.

– Но будем мужественны! – внезапно воскликнул он. – Если мы, римляне, окажемся недостойны, Господь призвет облегающие нас со всех сторон варварские народы, Церковь Божия воссияет в таких странах, где до сих пор кланялись кумирам, и имя Божие прославится по вселенной.

– Но судьба общего отечества разве не трогает твоего сердца? – спросил один из присутствовавших.

– О, над этим миром, над этим государством перехода и испытаний есть другое Царство, вечное, Богоустроенное, где царствует полная справедливость и где вечно найдется пристанище для душ, ищущих спасения. Все языческие царства и, в частности, Римская империя – вместилища всякого порока. Все, что в Римской империи не принадлежит к Церкви, – дело сатаны, ложь и беззаконие. Дело сатаны – все победы, которыми возносилась она до своего величия. Вся ее философия, вся ее образованность, ослеплявшая даже многих из верующих своим блеском, все это – ложь, дело сатаны. Даже добродетели язычников – только блестящие пороки. Помните о Небесном Царстве, и тогда не смутят вас никакие злоключения. И все, кто принадлежат к этому Царству, считают высочайшим благом, которого никакой грабитель не может похитить, соединение с Богом и блаженными сонмами Ангелов; они стремятся к этой цели любовью ко всему Божественному, отречением от всяких суетных, чувственных пожеланий. Выразим единодушно нашему дорогому хозяину свои горячие желания, чтобы новорожденное чадо его с самого детства стремилось к этому Царству, горело к нему своей чистой душой и удалялось от всякого земного пристрастия!

– Аминь! – воскликнул Евфимиан.

Гости в скором времени разошлись. Евфимиан остался один. Познакомимся с ним поближе. Мы уже знаем, что Евфимиан был богат и знатен, но не в богатстве и знатности он находил себе утешение, а в широкой благотворительности, по возможности давая приют и помощь всем гонимым и обиженным судьбою. Сам не имея детей, он с особенной любовью заботился о сиротах, которым ежедневно устраивал три трапезы в своем доме. По вечерам, повергаясь в горячей молитве пред Всевышним, он благодарил Бога за все добро, которое сподобил его оказать своим ближним щедрый Податель всех благ за истекший день. Напротив, сердце его болело, когда что-нибудь препятствовало ему проявить вполне всю доброту свою. «Я недостойн жить на земле Бога моего, если не буду заботиться о своих ближних», – говорил он в такие дни. Удаляясь от всякого участия в общественных делах и замыкаясь все более и более в тесном кругу частной жизни, строгий постник, он жил среди роскошной столицы скорее как отшельник, чем как знатный и богатый вельможа. Посещение храма Божия, углубление в тайны Писания, беседы с людьми высокой духовной жизни, частая и горячая молитва – вот его обычные занятия.

Во всех его трудах самой верной помощницей ему была его супруга Аглаида. Это была женщина ангельской доброты и кротости. Безмятежный мир и согласие царствовали в доме Евфимиана. Ровно, без тревожений протекала их семейная жизнь, незаметно приближались оба к преклонному возрасту. Обширный дом их не оглашался звонкими голосами играющих детей, их сердце не согревалось родительской любовью и нежностью. «С какой радостью, – часто думала Аглаида, – я променяла бы все свои богатства на счастье быть матерью! Чего бы ни отдала за чистую улыбку родного дитяти! С каким восторгом целовала бы детские ручки и головку! Какой заботливостью я окружила бы его колыбель! Как наслаждалась бы его дыханием! Господи, пошли мне, недостойной, это счастье, не лиши меня этой сладчайшей отрады жизни!...»

И вот Господь услышал эту горячую молитву, даровал Евфимиану сына, названного Алексеем. Кто может изобразить чувства радости и теплой благодарности Богу, которые теперь наполняли сердца счастливых родителей! Нечего и говорить, что Алексей с самой колыбели сделался предметом величайшей заботливости отца и матери.

Глава 3

Присмотримся поближе к тому обществу, среди которого должен был расти и воспитываться юный Алексей. Каково было нравственное состояние римского общества во второй половине IV века?

По словам одного знаменитого историка той эпохи, в Риме и Италии господствовала непомерная роскошь, не та общественная роскошь, которая идет рука об руку с искусствами и покрывает мрамором и золотом памятники своего отечества, чтобы сделать его еще более дорогим и достойным почтения, – нет, господствовала частная роскошь, неразлучная спутница каприза и дурного вкуса, происходившая от нравственной порчи и проявлявшаяся в унижении искусства. Под влиянием такой роскоши изящество форм сменяется излишеством украшений, величие – богатством. Такая роскошь вместе с восточной изнеженностью прокрадывалась в Рим еще при Северах, но нравы Запада были еще настолько стойки, что не сразу подчинились ей; основание Константинополя довершило ее торжество и на Западе. Новая столица, населенная азиатскими греками, скоро победила древнюю столицу теми обычаями, которых она чуждалась еще до того времени. Христианское общество также поддалось общему течению и заразилось восточной изнеженностью.

Поэтому, чтобы изобразить с надлежащей полнотой состояние христианского общества IV столетия, необходимо познакомиться вообще с нравами, господствовавшими в ту эпоху. Прежде всего, римская чернь – она оставалась такою же, как и прежде, т. е. убивала свое праздное время в пантомимных театрах или в цирке, а ночи проводила, благодаря итальянскому климату, на скамьях тех же амфитеатров или на плитяных портиках больших домов. Труд римский народ не знал, он всегда жил тунеядцем, на счет государства, но его не удовлетворял уже один хлеб, как во времена первых императоров, он требовал порций свиного сала, масла и вина, да сверх того подачки от патронов, да еще один оригинальный доход – взятки с комедиантов, с кучеров в цирке за то, чтобы их не встречали свистками... Вот чем кормилась римская чернь, неспособная к честному труду и проигрывавшая ночью в кости то, что удалось урвать днем, – самая низкая и развратная чернь на свете, жадная, ленивая, мятежная... Эту чернь нельзя было бы даже назвать именем римского народа: она перестала носить свои латинские имена и употребляла какие-то прозвища, неизвестно откуда заимствованные. Иностранцы, провинциалы, приезжавшие в Рим, с изумлением слышали странные имена Цимессеров, Цицимбриков, Серапинов и т. п. Ко всему этому, на римских улицах, среди толпы, можно было встретить множество людей с бледными лицами, покрытыми морщинами, носивших двойные следы рабства и физического бессилия. Гракх, некогда прерванный в своей речи шумом толпы, воскликнул: «Молчать, незаконнорожденные дети Италии!» В IV веке он мог бы с большим правом воскликнуть: «Молчать, римляне, переставшие быть мужчинами!»

А римская знать!? Сохранилась ли в ней хотя часть доблести предков? Увы, времена Цинциннатов, Фабрициев, Катонов давно и безвозвратно прошли. Римский сенатор IV столетия не мог быть даже и тем энергическим злодеем, какие являлись при конце республики, вроде Каталины или Клодия; его нельзя было назвать римлянином ни в дурном, ни в хорошем смысле. Образца для него нужно было искать где-нибудь на Востоке, в древнем Вавилоне или Персии. Он носил одежду только из самой тонкой шелковой материи, но потому, что тканая тога, даже самая легкая, была для него уже тяжела. Прозрачные покрывала из льна, зонтик и женское опахало служили необходимыми принадлежностями его туалета, а многочисленная толпа евнухов, рабов, праздных плебеев и клиентов составляла его свиту, когда он показывался в народе. А как проводит свое время знатный вельможа? Иногда он появляется в цирке для поддержания славы какого-нибудь наездника, посещает общественные бани, но большею частью он – дома. В обширной, роскошно убранной зале, с мраморным полом, со стенами,

украшенными дорогой мозаикой, на роскошном ложе лежит он в полудремоте. Проникнет ли в комнату как-нибудь через тяжелые занавесы луч солнца или муха проползет по его платью, он уже раздражается и жалобно стонет: «Зачем я не родился в стране киммериев (стране мрака)? Тогда бы не приходилось терпеть подобных мучений». Случись ему отправиться на охоту или по какому-нибудь делу переехать в изящно убранной гондоле по озеру Авернскому в Пуццولي или Гаэту, он удивлялся сам себе и прославлял свой подвиг так, как будто он превзошел Александра Великого или Цезаря. Он жаловался всем на необыкновенную усталость, неразлучную спутницу столь тяжких трудов. Зато он не чувствовал ни малейшего утомления, просиживая ночи за игрой в кости... Но, может быть, римский вельможа, утратив суровые доблести предков, отличался любовью к наукам, образованностью? Нет, и Меценатов теперь было столь же мало, как и Камиллов. Науки внушали римскому вельможе такое же отвращение, как яд; его библиотека была крепко заперта и неприкосновенна, как гробница. Если он умел рассказать несколько анекдотов о частной жизни императоров из Светония да знал несколько тирад из Ювенала – этого было для него уже достаточно... С наступлением вечера начинались у сенатора пиршества, на которые обыкновенно являлось множество паразитов, льстецов. На эти пиршества мор, реки и горы всего мира должны были доставлять свои сокровища. Если подавали на стол какое-нибудь чудовище, какую-нибудь заморскую рыбу, гости приходили в сильное движение и наперерыв старались выказать свое удивление перед хозяином. «Не из Эвксинского ли понта эта рыба?» «А может быть, из далекого океана?» «А эти птицы, наверно, из оазисов Ливии?» «Принесите весы», – самодовольно заявляет хозяин, чувствующий, что он достойно поддерживает имя своих предков. 30 нотариусов, на основании домовых архивов, в подробности спешат рассказать, кто и когда поймал такую-то рыбу, откуда она привезена и т. д. Вдруг раздается музыка: в залу ввезен гидравлический орган величиною с дом, пущены в дело огромные лиры с флейтами и другими инструментами. Появляются танцовщицы и гаэтки и начинают исполнять свои танцы и пантомимы... Римский богач так бережет себя, что никогда не посетит умирающего друга или брата, если есть хотя малейшее подозрение относительно прилипчивости болезни; но он унижится до самой невозможной лести и прислужничества, он сбросит свою лень и спячку и начнет проводить ночи у одра больного, если имеет какую-либо надежду на получение наследства. Богатство, деньги – вот единственное божество, которому он поклоняется. Каким образом без денег он мог бы задавать такие обеды, окружать себя азиатской роскошью и поддерживать славу своего рода?

Римские женщины того времени в нравственном отношении были не выше мужчин. Все время они проводили в мелких интригах, болтовне и злоречии. Туалет считался самой главной и трудной их работой. Вот наступает время одевания, и целая толпа евнухов и слуганок устремляется на знатную даму, как на добычу, и начинают – кто гребнем и раскаленным железом воздвигать на ее голове лес волос, перевитых золотыми нитями, кто – разливать на голове дождь золотых блесток, кто – подвязывать две косы, черную и русую, или накладывать сверх прекрасных черных волос рыжие, дорого купленные в Германии... Искусство нравиться в ту эпоху состояло, главным образом, в искажении природы. Далее следовали румяна, белила, сурик, сурьма – последние придавали особенный блеск глазам. Шелковое платье, затканное золотом, льняные одежды столь тонкие, что, по выражению одного отца Церкви, едва прикрывали тело, не закрывая его; драгоценные безделушки, камни, перлы, золотой пояс и золотые башмаки – все это считалось необходимой принадлежностью туалета знатной дамы IV века. Строгая нравственность древней матроны давно отошла в область преданий.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.